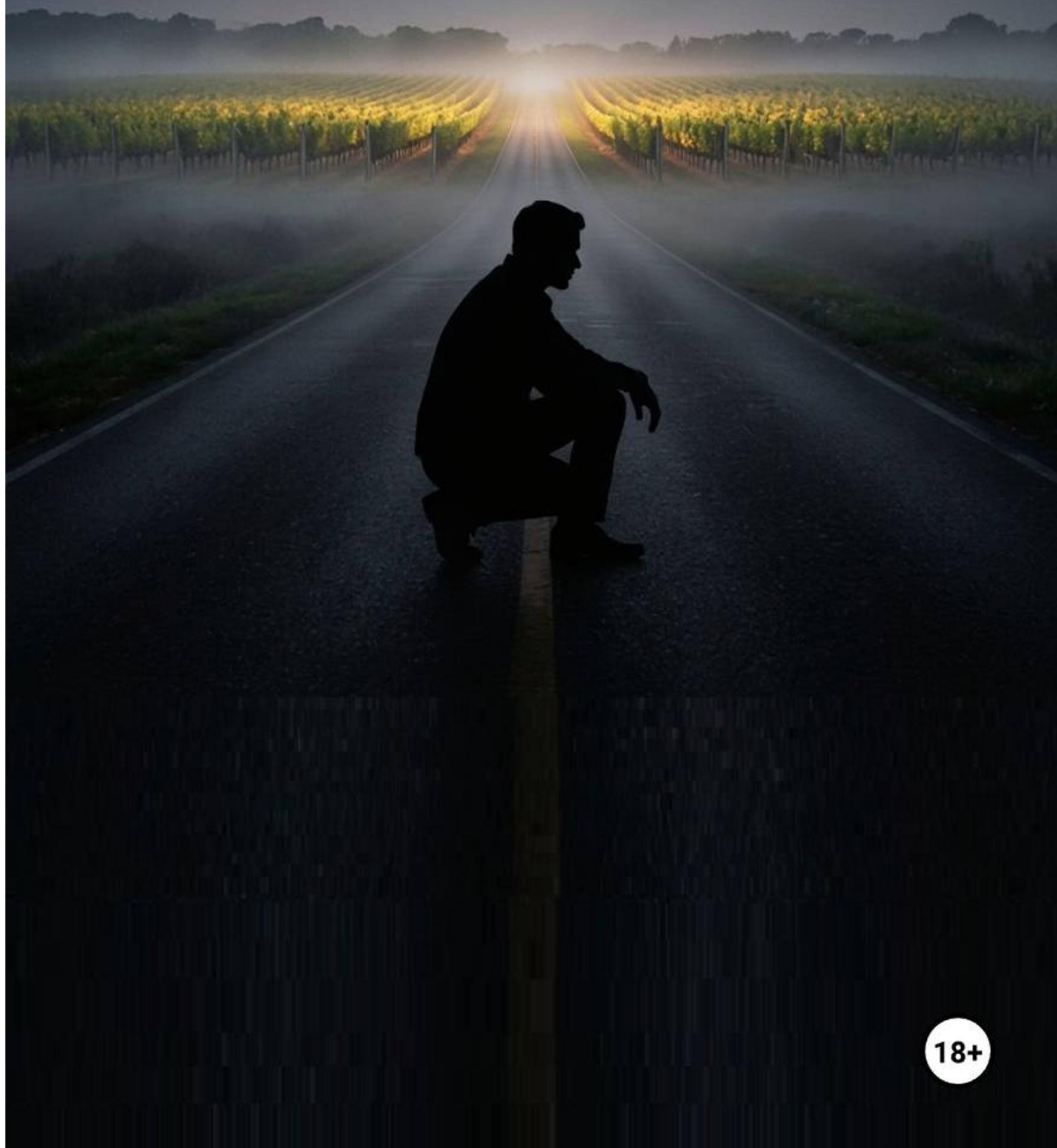

ОДИННАДЦАТЫЙ ЧАС

АНДРЕЙ МИСЮРИН

18+

Андрей Мисюрин

Одиннадцатый час

«Автор»

2026

Мисюрин А. В.

Одиннадцатый час / А. В. Мисюрин — «Автор», 2026

В новый поэтический сборник вошли произведения, соединившие в себе личную духовную исповедь и философские размышления о любви и жизни. Творчество автора прочно укоренено в отечественной поэтической традиции и обращено к вечным, экзистенциальным вопросам бытия. С одной стороны, книга предлагает читателю строгий, бескомпромиссный разговор с собственной душой — осмысление человеческих слабостей, ошибок и поиск тихой надежды на искупление в «одиннадцатый час» земной жизни. С другой стороны, автор выступает как чуткий странник и созерцатель, воспевающий величие и скрытую силу родной земли. Поэтический язык автора отличается фактурной образностью, сильными библейскими аллюзиями и тонким психологизмом. Эта книга — о поиске внутренней опоры, неразрывной связи человека с Богом и исторической памятью своего отечества. Сборник адресован ценителям зрелой, вдумчивой поэзии, ищущим в литературе не только эстетическое удовольствие, но и глубокие духовные смыслы.

© Мисюрин А. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Одиннадцатый час

Глава

Одиннадцатый час

Среди людей одиннадцатого часа,
Всю жизнь просидевших на корточках у дороги,
Был и я, искавший себе оправдания,
Не прощавший чужие грехи и обиды,
Поражённый коварством и ложью любимых,
Сам солгавший не раз и предавший,
Скпивший гуды ненужного барахла,
Растративший дни свои на пустые разговоры,
Ожидавший себе награды за мнимые подвиги,
Превозносившийся и унижавший,
Набивавший чрево тем, что не жал, не сеял,
Но видевший как бы сквозь тусклое стекло
Виноградник вечной и истинной жизни,
На котором многие уже потрудились,
И ещё пребывая в последней надежде
На последний свой труд за последний динарий.
* * *

Ростов Великий

Здесь болота да крепкая вера,
с колокольни любой посмотри:
простирается озеро Неро,
возвышаются монастыри.

Дуют ветры, и ангелы кружат,
так похожие на голубей,
после ливня в расплывшихся лужах
отражаются главы церквей.

Этот город купцами построен,
только с виду он староват,
молоко щедро смешано с кровью,
став румянцем на лицах ребят.

Детский смех здесь так искренно звонок,
на салазках, лишь выпадет снег,
малышня дружно катится с горок,
в беспшабашный срываясь разбег.

Когда грянет вдруг звон колокольный
и внезапный охватит озноб,

снимешь шапку и даже невольно
перекрестишь упрямый свой лоб.

* * *

Свияжск

Осмотрен был с воды и суши
высокий остров и острог,
здесь рыбу на верёвках сушат
и быт неспешен и нестрог.

Здесь многоглавыми церквами
встречают вас монастыри,
здесь небо щупают руками –
оно снаружи и внутри.

Здесь поселилось при дороге
грузинов шумное семейство,
и жарят куриц длинноногих,
смешав торговлю с лицедейством.

Шашлык у них в кафе отведай
или горячий хачапур,
а песню к твоему обеду
затянет горный трубадур.

Здесь свежий запах огуречный,
повсюду водные просторы,
и в пику жизни быстротечной
ведут пустые разговоры.

Едят здесь пряники и сушки,
баранки, бублики и сайки
и, чтобы успокоить души,
пьют жидкости-незамерзайки.

Свияжск как будто бы стреножен,
медлителен, тяжёл и смирен,
не выхватит клинок из ножен,
не грянет до самой Сибири,

но полон силы богатырской
и помнит об Иване Грозном,
бриллиант империи Российской
в венце её победоносном.

Забудь о берегу турецком,
ты вспомни, он тебе не нужен,
Свияжск для доли молодецкой

заморских берегов не хуже.

Здесь пращур твой стоял с пищалью,
здесь крепко бились бердышами
и кровью алой орошали
песок речной под камышами.

Свияжск теперь как голубь кроткий,
расслабься, мирный обыватель,
тебе на весь твой век короткий
спокойных дней, пожалуй, хватит.

Сиди на лавочке с любимой
или качайся на качелях,
пока течёт Свияга мимо
и Волга катится без цели.
* * *

Смоленск

Направо – пятизвездочный отель,
налево – возвышается СИЗО.
Такое вот нехитрое ИЗО,
всё рядом, не за тридевять земель.

Почти под крышей – рыбный ресторан,
а мясо – ближе к уровню земли.
Пока тебя ещё не замели,
внимательней гляди по сторонам.

Известно – от тюрьмы и от сумы
не зарекайся, там как повезёт;
полвоздуха – безжизненный азот,
полжизни – ожидание весны.

По улице Гагарина в такси
прокатимся мы весело к Днепру.
Я знаю, что сегодня не умру,
хоть смерть так близко ходит по Руси.

Ты шёлковое солнышко моё!
Люблю тебя, люблю тебя любить!
Как пёрышко, как тоненькая нить
горячее дыхание твоё.
* * *

Таруса

Над высокой горой колоколенка,

а под горкою катит Ока,
подле церкви скамейка в задоринках
и черёмухой пахнет рука
светлой девушки в платице ситцевом.
В этом городе майских жуков
тёплый вечер плывёт над ресницами
и течёт молоко облаков.
Оторочена розовым бархатом
за рекою полоска небес,
и широкие двери распахнуты
в самый тёмный и сказочный лес.
Лёгкий ветер струится над ивами,
в новых гнёздах теснятся грачи
и свершается жизнь справедливая,
но короткая – хоть закричи.
* * *

Киржач

Если бывал в этом городе, то чаще всего проездом;
просто случалась такая потребность: проехать мимо.
Рынок с названием «Версаль». Несколько магазинов.
Семечек шелуха. Лавочки у подъездов.

Только въезжаешь на мост, видишь пониже слева
серый кирпич мастерских, пыльная времени призма,
лозунг погасших звёзд: «Слава строителям коммунизма!»
Справа – широкий плёс, далее – лес, посевы.

Жители не спешат. Раньше им было больно,
и потому и поняли, что некуда торопиться.
Были бы спички да соль. Хлеб, да ещё водица.
Лишь бы хватало солдат. Звон б не смолкал колокольный.
* * *

Русские деревни

В этих русских селениях больше солдатских имён
на стоящих при въезде под красной звездой обелисках,
чем в домах деревянных людей настоящих живёт
и у старосты местного в форме короткого списка.

Иногда по утрам появляются на берегу
блёклой ряской покрытого старого барского пруда
со снастями рыбацкими и рюкзачком на горбу
пара-тройка фигур, если здесь не прорвало запруды.

Здесь не ходят по ягоды, больше не сушат грибов,
здесь бубнит телевизор, лишь он нарушает молчанье,

нет ни кур, ни овец, ни печальных и тёплых коров,
не звучит здесь ни блеянья, ни простого мычания.

Здесь на Троицу больше гулять не выходит народ;
вставши в круг, здесь никто не поёт, не смеётся, не пляшет,
здесь гармошка по улице больше уже не пройдёт,
о любви и о радости больше она не расскажет.

Здесь черёмуху девушке ночью не бросят в окно,
да и девушек нет, даже редко бывают наездом;
и на небе не ситец уже, а сплошное сукно,
сквозь штакетник заборов еловые лапы пролезли.

Летом дачники всё же ещё наблюдают здесь,
но траву на лугах по росе они вовсе не косят,
жарят жирный шашлык в смраде дымных тяжёлых завес,
и съезжают пораньше, пока не нагрянула осень.

Здесь дорогу зимой очень редко, бывает, пробьёт
старый трактор, скорее всего по привычке,
ведь в остывших домах в это время никто не живёт,
не спешит к огоньку, с проходящей сойдя электрички.
* * *

Домов затейливая ветхость

Домов затейливая ветхость.
Угрюмый хор на проводах.
Мирок, затерянный во льдах,
Где солнце – праздничная редкость.

Старухи мусор ворошат.
Резвятся пьяные соседи.
Снежинки быстрые кружат.
И едут на велосипеде.

И люди чёрные бредут
И месят белые сугробы.
И птицы красные метут
Хвостами жёлтые хворобы.

И застревает в горле кость.
И шерсть летит по закоулкам.
И зашибает на авось
Меня вечерняя прогулка.
* * *

Деревня Шихово

Деревня Шихово. Здесь делали гитары
в те времена, когда за пять рублей
в сельпо и городском универмаге
Венеры жёлтые стояли на продажу
без рук, без ног. И волосы из меди
надёжно к лону были сведены.
(Источник музыки был скрыт за волосами).

На невысоком берегу Москвы-реки
селенье это живо и поныне.
Рябина чёрная попортила заборы,
напористо раздвинула гнильё,
и ранней осенью могли мы насладиться
нехитрым лакомством нещедрой сей земли,
пока селянин, углядев потраву,
не прокричал нам что-то о ружье.

Напротив, за расширившимся руслом,
был виден Саввино-Сторожевский монастырь,
известный тем, что петь любил Шаляпин
у стен его, заставив в унисон
ответить главный колокол, который
на Пасху и в Рождественские ночи
был слышен и в самой Первопрестольной,
а это, между прочим, сорок вёрст.

Когда Шаляпин скрылся за границей,
а иереев отвезли в Сибирь,
то монастырь стал трапезным клубом
системы органов НКВД, а это – танцы
под духовой оркестр и гармошку.
Мужчины в чуть несвежих галифе
и пахнувшие табаком и ваксой
у сельских женщин вызывали трепет
и после этих частых раз-два-три
в семье крестьянской ждали пополнения.

Потом – война. Деревня опустела,
а вдоль дорог воздвигли обелиски
и возложили скорбные венки.
Но женщины остались и тяжёлый
свой труд сумели как-то сочетать
с деторождением. Потому селяне
здесь изредка, но всё ещё видны,
особенно когда не слишком пьяны.

Но музыки не слышно. Только пчелы
жужжат над медуницей и стрекочут
в прибрежных зарослях свербиги и кипрея

зелёные кузнечики. Жуки
гудят натужно и с тяжёлым стуком
порой ударят человека в грудь.
Но это ведь не пуля и не насмерть.
* * *

Охота по перу

Хорошо – как в самоволку.
На охоту! Решено.
Я беру свою двустволку,
что пристреляна давно.

Собираю втихомолку
свой любимый патронташ,
острый нож с рисунком волка
и вместительный ягдташ.

Дик в зубах приносит повод.
Ах ты, пес ты мой, курцхаар!
Был еще недавно молод,
а теперь уже ты стар.

Извини меня, дружище.
Место, Дик! И пес мой лег
Стал похож на пепелище,
на печальный бугорок.

Сладко дрыхнут домочадцы.
Не скрипи ты, дура-дверь!
Еду с утками встречаться,
не буди моих тетерь.

Три часа лежу в болоте,
подо мной согрелся мох,
бьёт мне в темя на излете
жёсткий ледяной горох.

«Чу!» – воскликнул бы Некрасов:
утка делает свечу.
В два ствола ударил разом
и не смазал я ничуть!

Звонко шлёпает добыча.
Бог ты мой! И как достать?
Дик, дружок мой закадычный,
уток он любил таскать.

Раздеваюсь. Лезу в воду.

Как бы тут не закричать.
Ах ты, русская природа,
наша любящая мать!

Обжигает жуткий холод.
Я плыву, ломая лёд.
Хорошо, когда ты молод
и в стрельбе когда везёт!
* * *

Самовар

У нас на даче самовар кипит.
Подбрасываю щепочки посуше.
Порядок заведённый не нарушу,
Поскольку знаю: сохраняет душу
Самой любовью выверенный быт.

Заполненный колодезной водой,
Под яблоней пускает дым белёсый
Без ропота, сомнений и вопросов
Двухвёдерный предтеча паровоза
И автор этой песенки простой.

Лужёный латник, медный исполин,
Мелодий тёплых скромный исполнитель,
Он знает: есть певцы познаменителей,
А он простой невзрачный сельский житель,
Но с ним лишь вечерами мы сидим

И, обжигаясь, пьём горячий чай.
Ведь это в нас заложено природой.
Мы любим эту огненную воду,
Изменчивую русскую погоду
И встречи наши, будто невзначай.
* * *

Дождь

Подумайте только, простой конденсат,
а тоже родившийся свыше!
Два шага вперёд и три шага назад –
и вот уже мокрые крыши.

Подумайте только, простая трава
небесной умыта водою!
Да что там, ведь даже у бани дрова
блестят, как руно золотое.

Мы в комнате душной уже не сидим,
на мокрые травы выходим,
и пусть мы при этом совсем не блесим,
дождливой мы рады погоде!

* * *

Когда язык шершавой тьмы

Когда язык шершавой тьмы
Оближет тихий сад
И губы алые хурмы,
Зевнув, сомкнет закат, –
Земли усталая ладонь
Нас к небу поднесёт,
И будем пить мы молодой
Мед чистых звёздных сот.
И станет ясен каждый миг
И тяжкий ход веков,
Постигнем то, что не постиг
Мудрейший из богов.
И среди праздника весны,
Где мраку места нет,
Просты мы будем и честны,
Как этот лунный свет.

* * *

Вечер

Ждёшь ли, нет, всё равно придёт,
так и ходит на мягких лапах,
постоит у ведра, попьёт,
звонких капель воды накапав,

сдвинет стул, посидит на нём,
скрипнет где-то в углу половицей,
встанет молча в дверной проём,
тихо в книге листнёт страницей,

а затем, ожидая ночь,
сон навевает уставшим детям,
как стемнеет, он выйдет прочь,
этот летний короткий вечер.

* * *

Фонарь

Фонарь подвешен был у старой бани,
и осветил он угол огорода,

доступны стали нашему вниманию
сарай, дорожка, изгородь, природа.

И жёлтый конус воздуха ночного
наполнился вдруг весь почти что сразу
чешуйчатым мерцанием мотыльковым,
кружением любовного экстаза.

Горели разноцветные фасетки,
пыльца сверкала, осыпалась пудра,
сосед теснил прозрачную соседку,
всю в нежных переливах перламутра;

и на лету они соприкасались,
и счастье длилось целое мгновение,
затем они навеки расставались,
а век их длился лишь до воскресенья.

Но были среди этого круженья
и те, кому всех тех красавиц слаще
казалось золотое наважденье:
фонарь у бани в сто свечей горящий.

И жаждой непонятною влекома,
их плоть в стекло горячее стучалась,
и горстка обожжённых насекомых
наутро на крыльце лежать осталась.

Фонарь подвешен был у старой бани,
и осветил он угол огорода,
доступны стали нашему вниманию
сарай, дорожка, изгородь, природа.
* * *

Сороконожка

Там, где забор грустит о кошке
и льётся в щели свет дневной,
живёт в глуши сороконожка,
полузарывшись в перегной.

Сосуд живого перламутра,
шуршит щетинками каркас
и в небеса направлен мудрый
спокойный взгляд зелёных глаз.

Порой лежит она открыто
на солнцепёке меж камней,
но чаще старое корыто

сгущает мглу свою над ней,

и в час любви её неспорой,
природой выверенный срок,
приносит ей сперматофоры
супруг её сороконог.

Любовь её – как письма пишут,
совсем не так, как у людей,
лишь предназначенное свыше
исполнит раз и без затей,

и снова – пыль, труха и скука,
но теплятся зачатки крыл,
как говорит о том наука,
как Берг нам в книжках говорил.
* * *

На здешней улице весна

На здешней улице весна.
И день и ночь, как изваянье,
стоит высокая сосна
в ажурном лёгком одеянье,

забор истлевший подперев
ногой в чулочке авангардном,
выходит утром на прогрев,
вдыхает ночью дым угарный,

и с изумрудной высоты
глядит на шифер старой крыши,
где прошлогодние листья
весенний ветерок колышет.

Шалит котёнок озорной,
играя, носится повсюду,
с утра наполнил он весной
свои прозрачные сосуды,

он теребит страницы книг
и юные ласкает стебли,
он в окна входит напрямик
и язычок свечи колеблет.
* * *

Озеро

На шаткие ослизлые мостки

взойду я над прохладой озёрной,
где с неба света сброшенные зёрна
в воде полощут щучие броски.

Живая зыбь певучего стекла
в звездах блестящих плещет мне под ноги,
в холодном небе не найдя подмоги,
луна сырую спутницу зажгла.

Но я и не гляжу на огоньки.
Чтоб комары мне не пронзали спину,
нырну и заплыву на середину,
где б кожу щекотали окуньки.

А вдалеке, где шепчется рогоз,
наполнив смыслом жизни процедуру,
раздвинет воду женская фигура
над илом и личинками стрекоз.
* * *

Еще не стар, но спозаранку

Еще не стар, но спозаранку,
как будто спать уже невмочь,
бросаю мягкую лежанку
и выхожу из дома прочь,

минуя сад, где зреют вишни
и где смородина черна,
где, изумрудный третий лишний,
стоит высокая сосна;

иду, взбивая пыль просёлка,
вдоль ряда деревянных дач,
где в каждом доме есть светёлка,
а в каждой горнице – калач;

спускаюсь к озеру с обрыва,
где рыба дремлет в глубине,
а там, уже без перерыва,
плыву на брюхе, на спине.
* * *

Виноград

Пока он полз по серому фасаду
и назывался просто «виноград»,
согласно правилу полураспада
семейство шло куда-то наугад.

Была здесь свадьба. Пили здесь и ели.
Потом подряд вдруг двое похорон.
Потом пол-лета подрезали ели.
Сопровождали. Вышли на перрон.

Потом куда-то мимо проезжая,
упала шляпа. Станция. Свисток.
Жизнь кончилась. Хотя была большая.
Хорошая. Ты не грусти, дружок.
* * *

Синева залива

Отцы зашли поглубже, там где раки
Зарылись в ил, спасаясь от жары.
На берегу лишь дети да собаки
Да женщины, да гнус и комары.

У самой кромки три бутылки пива
Стоят в воде, зайдя в неё по грудь,
А в небо плещет синева залива,
Как будто хочет мир перевернуть.

А мир и сам как вывернут наружу,
Белеет соль на сгибах и на швах,
Издалека залив похож на лужу,
И кажется, что дела наше швах.

Ну а вблизи всё тот же летний полдень,
В заливе охлаждается пивко;
К чему там женщины, я этого не помню,
Я пил тогда одно лишь молоко

И относился по годам тогда я к детям,
Хотя был мал скорее как комар,
И счастлив был, и, женщины не встретив,
Ещё не ведал в жизни я кошмар.

Отцами будут выловлены раки
Под женский визг и громкий детских смех,
И сварены в большом железном баке,
И поровну разделены на всех,

И съедены, как требует искусство
Подобных дел, от брюха до клешней,
Вскрываемые с характерным хрустом,
С которым раки кажутся вкусней.

И день пройдёт, как будто бы и не был,
Отцы умрут, опережая жён,
И каждый так отправится на небо,
Что тем заливом будет отражён.
* * *

Вдоль по матушке по Волге

Жарко. А вот и пристань.
Нужно спускаться вниз.
С Волги пахнуло чистым
Ветром. Вечерний бриз.

Палуба парохода.
Лавочки вдоль бортов.
Сядем среди народа.
Вздоргнем? Всегда готов.

Свист. И тяжёлой тушей
Так и пошла, пошла
Прочь от горячей суши
Наша шаланда вплавь.

Лица нам sprыснут брызги.
Будем увлажнены
Главной рекой Отчизны,
Лучшей в мире страны.

Небо едва осилит
Взор наш навеселе.
Мы посреди России
Едем на корабле.

Поднималась непого-погода,
Вдоль да вниз по матушке по Волге!
Погодушка немалая,
Немалая волновая!
* * *

Зелёная краска

Краска забыта была во дворе.
Целая бочка краски зелёной.
Должен закончиться был в октябре
срочный ремонт нашего дома.

Может быть, где-то осталась стена

краскою этой неосвежённой,
может быть, вспыхнула где-то война
иль маляры стосковались по жёнам.

Ласка ль была им тогда невтерпёж
или надели военные каски,
всё это нынче уже не поймёшь,
вспомнить могу только лишь без опаски.

Минуло много, полвека уже
с этих завьюженных снегом осенним
дней на каком-то таком вираже,
что эта краска была во спасенье.

Что-то замазать должны были ею,
что-то прикрыть, обновить, переделать,
чтобы в восторге стоять перед нею,
не было чтобы восторгу предела.

Но не срослось оно, нет, не сбылось
это большое и важное дело.
Бросили бочку. И перелилось
прямо из бочки немного на землю.

Так и стояла она во дворе,
в луже своей, всё такой же зелёной,
и оказалась уже в декабре
брошенной около нашего дома.

И посмотрел я на бочку в окно.
Было мне пять, ну а может, четыре,
я только начал всё это кино
в нашем большом и загадочном мире.

Вечером выглянул. Было темно.
Только у бочки фонарь одинокий
свесил свой свет будто веретено
с плеч своих узких, но очень высоких.

И осветил эту бочку и снег,
тот, что валился, не переставая,
хлопьями белыми, словно во сне,
прямо на краску, и медленно таял.

Краска бледнела. Сходила с ума
в этих объятьях, холодных и белых,
шла мне в навстречу, стремилась сама,
даже стекло всё в окне запотело.

Было тревожно. Стояла зима.
Бочка стояла, и краска бледнела.
Шёл белый снег и белели дома.
Время стремилось дойти до предела.
* * *

Крестик

Лето. Сажу на заборе.
Мне ещё только пять лет.
Небо похоже на море.
Моря в окрестности нет.

Город в степи, обожжённый
солнцем. Жара. Суховей.
В небе иммерсионный
след. Всё быстрее и быстрее

маленький беленький крестик,
и, разрастаясь, за ним
кудри седые развесил
в небе старик-пилигрим.

Снизу дома и заборы,
дыни, арбузы, полынь.
Сверху, где неба просторы,
надвое взрезана синь.

Вот, накопив постепенно
скорости сверхзвуковой,
громом заборы и стены
крестик потряс боевой.

И, ошалеv от восторга,
падаю я с высоты,
где, за забором, у морга,
сложены чьи-то кресты.
* * *

Панельная пятиэтажка

Панельная пятиэтажка.
Второй этаж и вид с торца.
Отец и мама. Брат Виташка.
Любовь и счастье без конца.

Я выйду вечером морозным
во двор, где, лёжа на снегу,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.